Моей душе в раю не поселиться

Моей душе в раю не поселиться,
Её не пустят даже на порог,
Поскольку сочиняю небылицы,
А это святотатство и порок.
Но так же не грозит ей и другое –
Душа ни капли не содержит зла.
Напрасно кочегары с кочергою
Золу копытят около котла.
Летая неприкаянным «Голландцем»
От этих и опять до тех ворот,
Наверно, несмотря на всю галантность,
Моя душа покой не обретёт.

Яблоки

Этот год получился яблочным –
Распирает плодами сады.
Этот год оказался тягостным
От смертельного груза беды.

Страсть мальчишечья – безбоязненно
Сквозь забор, не щадя штанов,
Только здесь по садам не лазают –
Нет в Чернобыле пацанов.

Копачи ли, Залесье ли, Припять ли
Веют холодом брошенных хат.
Между яблок в саду, как призраки –
Куры голые, два петуха.

А над яблочною палитрою
По утрам туманы скользят.
Пригласить бы сюда политиков,
Эти сёла им показать.

Может, где-нибудь в шляпах сплющенных
Озарение пробежит,
Пусть посмотрят: вот мишка плюшевый
В заражённой траве лежит.

Разлучились друзья-товарищи,
В детских садиках тишина.
Если даже авария – варварство,
Чем же станет тогда война?

Над Чернобылем небо ясное,
Только в нём вороньё кружит.
А в садах обрываются яблоки –
Продолжается жизнь.

Привычки

У прадеда махорку из кисета
Приноровился тырить пацаном –
И матушка родимая за это
Мой наглый зад знакомила с ремнём.
А с медовухой прадед познакомил,
Ещё усов я даже не носил,
Но тот напиток навсегда запомнил:
В мозгах – светло, подняться – нету сил.
Потом влюбляться время подоспело –
(Внезапно настигает нас оно) –
Прикосновений нежных и несмелых
И первых поцелуев, как в кино.
Я на ошибках собственных учился
И вредные привычки забывал –
С курением, как только сын родился,
Пообещал супруге и порвал.
Вот тяга выпить, в женщину влюбиться
Во мне ещё по-прежнему крепка,
По возрасту пора б остановиться,
Да, видно, срок не наступил пока.

Ты не первая...

Ты не первая, не последняя
Хочешь ложью добиться ласки,
Ты проходишь чистой меж сплетнями –
У тебя получается классно.

Не распутная и не юная,
Даже в жестах немало пыла,
Я приму твою страсть безумную,
Я запомню, как ты любила.

Скрашу грустное одиночество,
Даже в ложь поверю, как в правду,
Поступлю, как тебе захочется,
Ты имеешь на это право.

Наша свадьба

Мне красивше написать бы –
Пролетело столько лет,
Но зачем? Ведь нашей свадьбы
Ни в каких анналах нет.
Чтоб ты бросила терзаться
И слезами моросить –
Я увёз тебя до «загса»
В жёлтом в клеточку такси.
Ни фаты, ни Мендельсона –
Друг, подружка, ты да я.
Седовласая персона
Объявила: «Вы – семья».
В брачной книге расписались
Толстой, словно «Капитал»,
На показ не целовались –
Нас никто не заставлял.
Никакая крепче сила
Так не властвует в судьбе –
Ты давно уже носила
Дочку – первенца в себе.
Что без свадьбы – эка жалость –
Не случился ритуал,
Сорок лет семья держалась,
Да Господь тебя прибрал.
Ты прости меня, родная,
Если был порою строг.
О тебе я вспоминаю.
Без тебя я одинок.

Не сочтите за пошлую лесть

Не сочтите за пошлую лесть,
За влеченье в мальчишке безусом –
Необычная женщина есть,
Обаятельная до безумства.
Не приметишь такую в толпе,
Где бывают стройнее и краше,
Только я благодарен судьбе
За знакомство случайное наше.
От суждений пульсировал зал,
И в азарте горячего спора
Голос женщины этой звучал,
Выделяясь из общего хора.
А глаза – неземной глубины,
Притягательной силы и света,
И в мелодии речи слышны
Бубенцы уходящего лета.
Притуплялось обид остриё,
Проходила ругаться охота.
В удивительном лике её
Проступало иконное что-то.
Пусть с другими и я наравне
Не запомнюсь ей, может быть, вовсе.
А её обаянье во мне –
Будто ранняя тёплая осень.

Комары

Давно уже не ваш кормилец –
Я поклонился роднику,
Но вы без сожаленья впились
В лицо седому старику.
А мне припомнилось: вот здесь же
Я делал первые шаги,
И доносился рёв медвежий
Из нецелованной тайги.
А нынче – ни тайги, ни зверя,
Лишь вы гундите надо мной.
Моя ли, родины ль потеря?
И не понятно, кто виной?
Не те в умах ориентиры,
Всё опрокинулось вверх дном,
Похожие на вас вампиры
Бесчинствуют в краю родном.